

18+

АЛЕКСЕЙ БОЛОТНИКОВ

ГАТЬ

Стихотворения
Проза

Алексей Болотников
Гать. Стихотворения. Проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43473147

ISBN 9785005000811

Аннотация

Гать – дорога через болото, настил через трясины, как нельзя близко знакомо автору этой книги. Именно таковыми представляются ему особенности его поэзии: зыбучесть метра и ритма, трудоемкость построенной строки, психологический романтизм, образное многообразие. Читается легко и заманчиво... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Вся СТИХИЙная гать	11
Первобытная эра	13
«Стихи – коробочки со спичками...»	13
Молитва	14
XX век. Студенческая эра	16
К Меркуцио	16
«– Я известная маска...»	18
Автопортрет	22
Пародистам А. Вознесенского	23
Натали	24
Буряту Баяру Жигмытову, поэту	27
Экспромт	28
«Перпетуум-мобиле забыт...»	29
«Ты живешь в эпицентре...»	30
XX век. Экспедиционная эпоха	31
«Азиатская моя Ойкумена...»	31
«...Вечор, ты помнишь»... эти строки!..»	32
«Чай с сюитой пополам...»	34
«Чем мы знамениты?..»	35
«Ищу единове́рца...»	36
«Мне снилась женщина...»	38
«Ах, небеса, чреватые дождями!..»	39
«Заблудилась над морем чайка...»	40

«Слеза – не бриллиант – роса...»	42
«Дверь скрипит: «...Ну, на фига ты...»	43
«Осенью горящая солома ...»	44
«Как же так: не пить с лица?...»	45
«Я вам откроюсь: я люблю...»	47
Читая Фазу Алиеву	48
Признание	50
«Вычеркнешь строчку ...»	52
«Целует девочка...»	53
«Быть бездомным не приватно...»	54
«Не рой пчелиный выюжит – снежный ком...»	55
Экспромт у телевизора	56
«Галилейские пределы...»	57
Экспромт	58
А.Ф.	59
«Я из города де-градировал...»	61
XXI век. Сезон туманных перспектив	62
«Я поеду в Ярославль...»	62
«Куда пойти, куда податься? ...»	64
«Как живем мы?...»	66
«Земным богам – не потакать...»	68
Из цикла «Актуальные вопросы»	69
«В стране...»	69
«Господин ученый секретарь...»	71
«Господин паталогоанатом...»	72
«Как идол Перуна, языческого бога...»	73

«Я – подмастерье...»	74
«Из года в год короче...»	76
«Ах, что вам пожелать, скупым и длинноносым?..»	77
«Как же так, мой подзаборный брат...»	78
«Одного не понимаю я умом...»	79
«Выйду ночью помочиться...»	80
«Осенняя погода на дворе...»	81
«Скажи мне, милая, открыто...»	82
«Ну, посидели пару раз...»	83
Экспромт	84
«Души уже нет...»	85
«Декабрь лютует на исходе!..»	86
«Век спустя, войдя на миг...»	87
«Подснежник – первый гвоздь весны! ...»	88
Песни души	89
Сеньорита Сентябрина	89
Песня однокашнице	91
Лена Николаева	92
Романс	94
Романс	96
Романс	97
Столица нашей родины	98
Юбилейная песня	100
Песня для Любаши Терентьевой	101
Пока...	103

Мишке Середину	104
Валерию Мужайло	106
Гимн краеведческого фестиваля	108
Песня сына	110
Визитная песня «Енисеюшко»	111
Бардовская песня	112
Спич к Нику Бородину	114
Песня угонщика	116
Песня жениха	118
Экстрасенс	121
Сон	123
Легенда о любви	125
Блюз-песня	128
Грустный мотивчик	130
Окрошка	131
Философская песня	133
Милая	134
Осень в городе	135
Свадебная	137
Свадебная-2	140
Маруся, Маша, Марья	142
Ветер с моря	144
Лазурная песня	146
Весна	148
Островок любви	150
Бардовская песня	152

«А мой внук играет на аккордеоне...»	155
Уверовав в вечное...	157
«Поэт – как лесоруб в лесоповале...»	157
«Все дурачат других и себя, одураченных...»	159
Сонет	160
«Не припевая мед...»	161
«Не тем любезен буду я народу...»	162
Претензия к интернету	164
«Я дерзок есть...»	165
«И страшно за поэзию, и стыдно...»	166
«Стихи идут от искренности чувств...»	167
«Денисы, Глебы, Германы... тут пишут...»	168
«Я, как и вы, сижусь по вечерам...»	169
Спич друзьям	170
«Обронила осень акварель...»	171
«Теперь мы ждем семнадцатого года...»	173
«Мои друзья меня переживают...»	175
«Ах, соколики! Ой, девочки-соколки!..»	176
«Свернул ботву холодный утренник...»	177
Баллада о барде	178
«Тепсей на Потрошилиху запал...»	180
«Теперь живем мажорно: фестивали!..»	181
«Поэты нынче рифмой не грешат...»	182
«На фестиваль, на чрезвычайный съезд...»	183
«Шляюсь по осинникам...»	184
«...Алкаши! Да и сам я активно алкал...»	185

«Ау, мой брат череззаборный...»	186
«Трещат перекрытий своды...»	187
«Нет ничего неистовой любви?!...»	188
«Когда ты мерой нажитое меряешь? ...»	189
«Есть что есть...»	190
«Куда бежать от самого себя...»	191
«Гулы дола глуше и зазывней...»	192
«Был бы штопор, взял бы херес...»	193
«Готов я отсидеть...»	194
«Строфотворение стихов ...»	195
«Стопотворение стихов...»	196
«Неистребимый облик века...»	197
«Не суйся, Иисусе...»	198
«Тратит осень за окном...»	199
«Остудите мне душу от смертного пала!...»	200
«Кто там?.. Гости... Хлябь и слякоть...»	201
«Кастальский родник...»	202
Виртуальная молитва	203
Борису Панкину, моему поэту	204
По поводу приглашения в столицы	205
«Сосед мой олигарх. А я, Эвтерпа, кто?...»	206
«Нет, ни боги по опушке бродят!...»	207
«Предъявляя признаки искусства...»	208
«Посадил березку во дворе...»	209
«Он озвучил по нотам журчанье ручья...»	210
Тебе я кланяюсь, село	211

Гать

Стихотворения. Проза

Алексей Болотников

Иллюстратор Н. Уляшина

Дизайнер обложки Н. Дувакина

© Алексей Болотников, 2020

© Н. Уляшина, иллюстрации, 2020

© Н. Дувакина, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0050-0081-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вся СТИХИЙная гать

«Гать» – новая книга стихов и прозы Алексея Болотникова, продукт этапа творческой жизни. Подназвание «Вся СТИХИЙная гать» объединяет нескольких циклов создания стихов. Точнее, периодов работы над тем или иным циклом. И циклы имеют заголовки: «Первобытная эра», «XX век. Студенческая эра», «XX век. Экспедиционная эпоха», «XX век. Сезон туманных перспектив» и другие, объясняющие читателю и временные рамки написания стихов и их тематические особенности.

Название книги «Гать», ведущее к понятию «дорога через болото, настил через трясины», выбраны автором в процессе осмысления творческого пути. «Гать делается из сучьев, жердей, бревен, уложенных обычно поперёк движения. Гатить – строить гать через болото». Именно такими представляются автору стилевые особенности его творений – зыбучесть метра и ритма, трудоемкое построение, психологический романтизм, образное многообразие... Конечным итогом выбора является непременно преодоление непроходимых троп и дорог. Словом, оптимизм жизни.

«Гать» увлекает читателей поэтическим колоритом авторской философии стихов. Их жанрово-тематическая сторона то склоняется к легкости бардовской поэзии, то выделяет новые жанровые тенденции: стихи-размышления, стихи-диалог, стихи-пейзажные зарисовки и другое. Из многообразности родился сложный и увлекательный симбиоз поэзии автора. В книгу включены: поэма «Тебе я кланяюсь, село» и восемь глав из книги «Экспедиция называется...», содержанием не выпадающие из образа «Гать».

Первобытная эра

«Стихи – коробочки со спичками...»

Стихи – коробочки со спичками.
Строка – нацеленный запал...
Лежат, пожарами напичканы —
Бризанты, тол иль аммонал... —
Они, стихи мои горючие,
Пером ли вписаны в строфу,
Клещами ли в катрены вкручены,
Написаны, как на духу...
Одни – тягучие, как патока,
Как мёд – змеятся и горчат.
Другие – вылиты из пластика,
Блестят строкой, но не звучат.
И всё ж они – костры стихийные,
И всё ж пожары дум моих!..
Лежат не строфами – махинами! —
В коробках спичечных стихи.

Молитва

Господи, благоволи писать
Чистые, изящные глаголы,
Благоволи посмешищем не стать,
Чтоб не распяли:
— А поэт-то голый.
Чувства не обнажены в стихах! —
...Я пишу запальчиво, не мысля...
Но мыслить в стаде, вторя пастухам,
Не Богом, извини, поэт немислим.
Разреши подняться до тебя!
Я понимаю: зависть, дьявол, эго...
Но дай мне слово... Пастыря любя,
Благоволи записывать... от Бога!

XX век. Студенческая эра

К Меркуцио

Люсе Щегловой

Твой голос, низкий и притворный,
Срываясь на тончайший альт,
Летит по каменной Вероне,
Тревожит каменную даль.
С презреньем к страху и опеке
Ты там, где драка и кутёж,
Ты шут, Меркуцио Монтекки!
Но славно, видимо, живешь!
Злословишь яростно, Меркуцио,
Смакуешь слог свой, словно мед,
А замолчишь – и станет скучно,
И кто молчание поймет?
Но вдруг – случится! – на минуту
Твой крик отчаянный замрет,
А человек услышит муку
И в то отчаянье войдет,
И станет близок человеку
Твой образ мысли и лица...
Но в мире том

От века к веку
Живет предчувствие конца,

От века к веку – мир прекрасен.
Но ты извечно смертен в нем.
А звук молчания напрасен.
А человек и глух, и нем.

«– Я известная маска...»

– Я известная маска,
На карнавале старая.
Таинственная гримаска
И гримаса лукавая,
Заслуженно-окаянная
По вековым анналам
И шепотом осиянная,
И опытная каналья...
Я знаю: не так скучает
Без стрел Амура колчан,
Как руки твои ночами
По нежным её плечам.
И – ни крика, ни стона —
В светлом лепете гамм
Свяжет тебя истома
И бросит к её ногам.
Но только крепче оковы,
И только – мед по усам.
– О, маска, скажите, кто вы?!
– Ромео, шерше ля фам.
Я тоже любить умела,
Но что обо мне сказать?...
Химера, сеньор, химера...
Но есть у меня глаза.
И вижу, как жадно ищешь

Лицо сеньориты Маски.
Знаю, сеньор, ты нищий
Без щечек её атласных,
Без ласки её и...
– Полно терпенье мое пытаться!
О, маска, ты просто клоун,
Не время теперь болтать!
В искусстве своем притворном
Ты славишься на веку...
Скажи, сеньорита в черном
Иль в алом она шелку?
– Не горячись, Ромео.
Не всякая плоть – халва.
Ты можешь быть счастлив с нею,
Но помни: шерше ля фам!

Рис. Н. Уляшиной

Автопортрет

Вихор зализан.

Бритое лицо.

Глаза по плоске.

Цвет – поддельный палех.

Губа, как лихо,

Эхает в лесу.

Ну, может быть, ещё...

Душа в опале.

Портрет готов.

Есть что-то от совы...

«Сотри случайные черты...» загула

И ты услышишь беспокойство гула

Одной, случайно взятой, головы.

А ниже —

Абсолютно ничего!

Косой сажени,

Царственной осанки...

– В душе ожог иль поцелуй богов?..

– А в душу не моги тарачить зенки.

Пародистам А. Вознесенского

– Ещё чего!
Пародии на лучшего поэта?
Это благородство пули пистолета.
Это одиозы из-за занавеса,
Или нечто вроде «дэз»ы...
Или – коль хотите —
В нашей федерации
Это похерительство
Экстрадеградации,
Это консервация
Экспериментаторства.
Все – антиовация.
Все – антимытаторство!
Настрогают перлы,
Прут, как на рога...
Ишь какие смелые!
Ну, а на фига?!

Натали

Натали, Натали, мой свет!
Лучшей женщине – право бала!
На музЫку запрета нет.
И кружится и кружит зала.
У свечей пикировок тир.
Обнаженье вельможной спеси.
Иноземной страны сатир
Продырявил меня и – весел?
Сноб, живущий века мельком!
Одиозное – и при этом
Тошнотворное! – из знакомств —
Прекратить его пистолетом!..
Мсье Данзас... пистолеты... милый!
Ах, как нынче рука легка,
Проводившая чрез чернилы
Поколения и века...
Камерюнкерство... Этот дар
Монархический давит плечи.
Друг Владимир Иванов Даль,
Растолкуй мне словечко «вечность»...
Ты молчишь? Отчего не рад?
Этот воск, серый гипс лица
Отчего принес на парад
Расставания у крыльца?
Этот бал, Натали... Обман...

Ранит сладкое слово – жить!
Ах, опасно тебя кружит
Белобрысый щеголь шуан.
Натали... Натали... лежит
В январе белый снег лучист.
Что рука твоя так дрожит,
Как осины осенний лист?

И кружится, ложится лист
На лучистый январский снег.
На лучистый январский снег
Человек опустил ся ниц.

*«Со мною вот что происходит:
Ко мне мой лучший друг не ходит»
Е. Евтушенко*

Ну, что такое, что такое?..
Ко мне бывают эти двое:
Он – крови гул и приступ боя.
Она – суть небо голубое.
Точнее, царственна собою,
Она изяществом изводит,
Она в смущение приводит!
Он – забавляется трубою...
Они часами колобродят,
Чернят бумагу вкось и кривь,

Меня то сводят, то разводят
С не самой лучшей из рифм.
Они приходят, не звоня,
Средь бела дня, в бессонной ночи
Они бывают... А короче —
Они преследуют меня.
Они исследуют меня!
Под их влияньем существую.
Как будто красного коня
Купаю в речке и... рисую.
Пишу. Спешу, по крайней мере,
Постылых отрешиться слов.
Ищу божественность в Гомере,
А нахожу – среди сандунов.
Хожу, покуривая «Визант»,
Враг суматохи и стихии,
Опубликовываю вызов:
– Я не готов писать стихи.
Да и вообще – ко мне нельзя!»
Как наилучшие друзья
Ко мне бывают эти двое...
Ну, что такое, что такое?!
Преподнесут букеты дыма
И требуют отображенья!
Он – властный зов стихосложения,
Она – прелестнейшая тема.

Буряту Баяру Жигмытову, поэту

*«...Рыжий конь по Боргою летит,
Хватая ноздрями ароматы костра из аргала»
Б. Жигмытов*

Лунноликий!

В улыбке подобный луне,

Улыбаешься и безмолвно взгляд опускаешь

В беспредельной любви к аргамаку.

Милый друг мой! Тоскует седло по тебе,

Убивается-бьется птица в окне.

Наклоняется мама головою к полыни и маку.

Рыжий конь по Боргою летит, как стрела,

Сквозь отар вечеряющих шепоты...

Ты уехал, Баяр, поклониться спеша.

Приклониться щекой дорогому улусу.

Ты уехал.

Твой «скорый», спешащий в Пекин,

Перекинулся за горизонт.

Ты ушел. Но осталось вино на столе.

Мы остались при нем околачивать груши

Самых спелых времен

Экспромт

О, ремесло!
И долг, и право,
Ком серой глины на станке.
О, бес извечный, бес лукавый,
Ты снова ластишься к строке.
Грунтуешь холст и кофе варишь.
И злишься – с мыслью наравне,
То бог, то раб, то друг-товарищ,
Живи и бражничай во мне!

«Перпетуум-мобиле забыт...»

Перпетуум-мобиле забыт,
Машина времени в загоне.
Но надо двигаться! В фургоне,
На самокате, может быть...
На лыжах, роликах, в седле,
На бумеранге и на шаре...
В скорлупках сферы полушарий
И на летающем ядре!..
Услугами «Аэрофлота»,
Пешком и лайнерами флота,
Плотом паромным, или «Ра»,
По шпалам и по швелерам
Парить, скользить, лететь, бежать,
Мал-мальски техникой владея,
Свои преследуя идеи,
Свой тихий ход опережать.
В носилках – фараоном лежа,
На беломраморном коне...
...Но комфортабельнее все же
Туда-сюда летать во сне.

«Ты живешь в эпицентре...»

Людмиле Гульцевой

Ты живешь в эпицентре
Физически нового поля,
Где посеяны песни твои,
Торжества и заботы.
Где без меры рассеян
Иль полон пустой заботы,
Ходит кто-то «он гоша»,
С кем свел бы на нет разговоры...
Но и он вдруг уходит,
Он крайним остаться боится.
Ах, всегда это так,
Болтуны – тишине надоели!
Но когда тебе грустно
И, может быть, долго не спится,
Посещает Грушницкий
В своей знаменитой шинели...

...

XX век. Экспедиционная эпоха

«Азиатская моя Ойкумена...»

Азиатская моя Ойкумена,
Тыщи лет твоим холмам и курганам.
Я цыганствую в степи с балаганом,
Поклоняюсь и ветрам, и камням.

Балаган мой – не родня утлым избам,
Рад не рад родниться древним просторам.
А по бранным торжествам и по тризнам
Рад не рад служить отечеству кровом.

«...Вечор, ты помнишь»... эти строки!..»

«...Вечор, ты помнишь»... эти строки!
Их русский стиль и русский лад...
Авроры образ волоокий
И карт пасьянсовый расклад.
Шумок – застольный и пристойный —
Беседы, чуждающейся мне.
Гул томный, праздничный, престольный...
Обряд гаданья при луне.
А вьюга?.. Вьюжится и ныне.
И женщина глядит в окно
Упрямей тем, чем заунывней
Мужчина пьет свое вино.
И лампа меркнет вполнакала
В камина чреве жестяном.
Тепла – ничуть. И счастья мало
В гуденье вьюги за окном.
Ах, нынче противопоказан
Порыв влюбляться и парить,
Стихи отечественным азом
И по-французски говорить,
Блистать и делать реверансы,
А честь – так пулей защищать!
Свои романы и романсы

Любимым дамам посвящать...
Уж говорим не русский – «рашен»,
Не понимаем слова «вящий»...
Увы, не славим день вчерашний
И укоряем настоящий.
Не можем жить без укоризны!
Мы в кровь впитали исстари
Обряд и русский образ жизни
Японским богом материть.
За что мы так «неровно дышим»
Своим отеческим дымам?
«Вечор...» мы помним, но не слышим.
И выюга докучает нам.

«Чай с сюзтой пополам...»

Чай с сюзтой пополам

И по-флотски рис...

– Ванька, ты не мсье Иван, а авантюрист.

Что ты варишь, дурачок,

Это можно есть?..

Верю... верю, но харчо

Невозможное.

«Чем мы знамениты?..»

Чем мы знамениты?
Отсутствием святости.
Пивнушки у нас алтари.
Дай нам улыбаться
До придурковатости,
Ведь мы же придурки твои.
...О, господи боже!
Безбожникам, бабникам
Открой же альковы свои
И дай нам – заблудшим,
Блуждающим – банщика.
И бани дотла натопи.
Отпарим, отмоем
До алебастра
Тела и улыбки свои.
Дай нам улыбаться
До придурковатости.
Ведь мы же придурки твои.

«Ищу единоверца...»

Ищу единоверца.
Толпа... музей... погост...
О, вычисли мне, сердце,
Среди друзей – врагов.
Среди моих собратьев —
Фанатиков идей.

Средь нищих, сирых, знатных —

Людей... людей... людей...

О, сотвори мне чудо:

До смерти потакать.

Пока я жив — потуда

Искать, искать, искать...

«Мне снилась женщина...»

Мне снилась женщина.
От наготы крошечной
Струился свет неведомым сияньем.
А я был царь. И должен был, конечно,
Владеть национальным достояньем.
Завещано нам царствовать беспечно.
Тем более – в дремотном состоянии.
А женщина в сиянье своем вечном
Мне снилась, как... крестьянское восстанье.

«Ах, небеса, чреватые дождями!..»

Ах, небеса, чреватые дождями!
Скрипит грибами роженица – плесень.
Рыбак, за лесу пойманный глазами,
Идет-бредет по каменному плёсу.
Ах, время, приключившееся с нами...
Мы в отпуске, на море, черте где...
Приходит ночь и падает под нами
В игре такой знакомой – чехарде.

«Заблудилась над морем чайка...»

– Как зовут тебя?

– Аня

– Как мне звать тебя?

– Чайка...

Заблудилась над морем чайка.
Распластав крыла, заскучала,
Волны вспенила и – зачихла,
Удручающе замолчала.
Поплавочек, тугая пробка,
Моря брошенная поверх,
Мы встречались с тобой не часто,
Мимолетным движеньем век.
Баргузин, возмутивший море,
Склонен склонить тебя в пучину,
Склонен плюнуть в меня, мужчину,
Заблудившегося у мола...
Завитушки волны – волнушки...
Блики солнечные – веснушки...
Эй, вы там! Я палю из пушки!
И швыряю горстями двушки...
Эй вы, ветер и клочья пены,
Вам не стыдно игрой в пятнашки
Забавляться над чайкой бедной?
Страшно мне...

Я палю из пушки.

«Слеза – не бриллиант – роса...»

Слеза – не бриллиант – роса.
Стекла и не остекленела.
А боль в груди окаменела,
И помутились небеса.
Слизавши языком слезу,
Язык кусая обожженный,
Зажав зубами звук луженый,
Уже ни слова не скажу.

«Дверь скрипит: «... Ну, на фи́га ты...»

Дверь скрипит: «...Ну, на фи́га ты
Взад-перед, взад-перед?..»
Пол скрипит и аты-баты
Половицами поет.
Словно перекаати-поле
Я по комнатам блужу.
Я потерян, сломлен, болен,
От себя бегом – бегу.
То запнувшись, то со вздохом,
А то с кухонным ножом —
Не покусанный кабсдохом
Не ужаленный ужом...
Но бегу-бегу, блуждаю
В параллелях половиц.
Отчего я так страдаю,
Как от ломоты яиц?..
Моя милая эпоха!
Пятый угол средь трущоб,
Мне живется тут не плохо.
И всё будет хорошо!

«Осенью горящая солома ...»

Осенью горящая солома —
Как язык непаханных полей.
Стог – как дом. Точнее – символ дома.
И чем выше символ, тем ясней
И тем ярче, и тем жарче пламя
Полыхнувших заревом стихов.
Осени горящая солома —
На полях моих черновиков.

«Как же так: не пить с лица?..»

Как же так: не пить с лица?

Лица могут литься,
Словно водка, без конца.

Не с кем похмелиться...

Не с кем церковь посетить,

Некому молиться...

Божий лик мироточит

И в углу святится.

Не с кем бату хоронить.

Некому заплакать.

Даже некого винить

Смертную расплатой.

.....

Не с кем словом поделиться.

Не кем в памятник отлиться.

.....

Не с кем родину покинуть,

Государство развалить.

«Сраму мертвые не имут...»

Мертвым – быть или не быть?

Одиночество – как дуло:

Не с кем пулю разделить!
Говорят, что пуля – дура.
Выстрелить?.. Не выстрелить?..

Нет в итоге очевидца —
Перед господом явиться...

апрель 1994

«Я вам откроюсь: я люблю...»

Я вам откроюсь: я люблю.
И некрасиво ночью вою.
Случилось вот что: я ревную,
Реву, рифмую «ай лаф ю».
Я Вас люблю! Мне сорок пятый.
Невольно вдруг в конце пути...
Как вы б цвели в пятидесятый!
А вам... Вам нет и двадцати.

Читая Фазу Алиеву

Ответ на вопрос «Что такое – любить?» —
Гениальность.

Ответ на вопрос «Что такое любовь?» —
Состязание.

Ах, какая б на этой земле не царила банальность,
Неизменно новы лишь любви,
Лишь любви состояния.

Что такое – любовь испытать?

Может, съездить на радугу?

Чтобы чудо потрогать, палитры сердечный накал...

Что такое – любовь исчерпать?

Может, вычерпать Ладогу?

Повернуть Ангару у истока обратно в Байкал!..

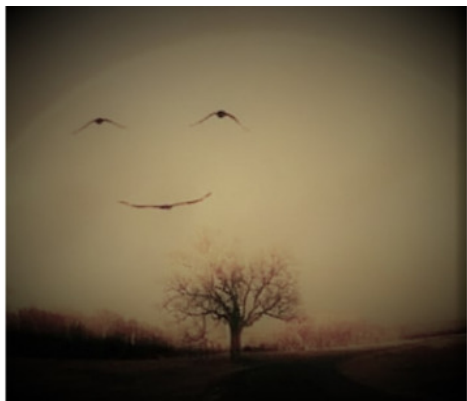
Ответ на вопрос «Что такое судьба?» —

Испытание.

Ответ на вопрос «Что такое счастливая жизнь?»

Обольщение. —

Да какая б на этой земле не царила случайность,
Нас преследуют здесь чередой
Лишь любви ожидания.

Признание

Я не жил у моря,
Я не нюхал порох,
Я не разговаривал
На птичьем языке.
И в свои за сорок
Прегрешений ворох
Никогда лукаво я
Не держал в тайке.
Ревновал, не скрою,
Выпивал без меры,
Забывал порою я
Приносить цветы.
И в мои за сорок
Мифы и химеры
Следуют за мною,
Как ящериц хвосты.
Я про то не знаю,
Она про то не скажет,
У каких иллюзий
Были мы в плену.
Лишь в одном признаюсь,
Как признаюсь в краже:
Ничего не ставила милая в вину.
Я не жил у моря,
Милая считала:

Сельская идиллия
Нам врачует дух.
Я не нюхал порох —
Она предпочитала
Не кресты и славу,
А нежность моих рук.
Я любил, не скрою,
Милая любила,
И в свои за шестьдесят
Мы будем вспоминать
Как и трын-травую
Любви не победила
Ни едрёна-Феня,
Ни едрёна мать.

«Вычеркнешь строчку ...»

Вычеркнешь строчку —
Не вычеркнешь Верочку.
Верочки Шиверских
Губки соленые...
Не потому ли, что
Выломал вербочку,
Взял да и выдумал
Девичьи стоны.
Не потому ли —
Плохая акустика?..
«Верочка, Верочка!...»
Не отзывается.
Пляжный мираж
Загорелого бюстика
Не забывается
И не сбывается.

«Целует девочка...»

Целует девочка,
Целует сливы,
Целует яхонтами —
Фиолет.
Сольются в неге
Двух губ отливы
И – сливы нет...
И – сливы нет.

«Быть бездомным не приватно...»

«Быть знаменитым некрасиво».

Б. Пастернак

Быть бездомным не приватно.
Глупо. Не харизматично.
На правах собаки птичьих
Обживать кривые хаты...
Стыдно... трезвым, как скотина,
В парк, под аглицкую крону,
Аки лошадь из гранита,
Притуляться к Аполлону.
«Хорошо сидеть в трактире!»
Хорошо лежать в канаве.
Хорошо бы жить в квартире
Или где-нибудь в Канаде.

«Не рой пчелиный вьюжит – снежный ком...»

Не рой пчелиный вьюжит – снежный ком.
В сугроб свевает снеги – не засада ль?
И валит с ног отчаянным тычком
Пурги наотмашь хлещущая падаль.

Экспромт у телевизора

...Пустой телеэкран – как Космос Крайний.

Глазница ночи.

Погасли свечи в этом храме:

Анне, Борису... прочим.

Как сноб российский,

Возложу жасмины

Поэтам русским

И, щелкнув тумблером,

Уйду за ними.

По-английски.

«Галилейские пределы...»

Галилейские пределы:

Иудея... Иордан...

Се, Господь, твои уделы.

Что, Господь, назначил нам?..

Экспромт

Читая Леонида Мартынова

Он так сказал:

«...в потоке Леонид...»

Я изумленно долго постигал

Одну строку, как вечный мадригал,

Стилом поэта втиснутый в гранит.

А.Ф.

Мне уже пора вселиться.
Где моя Вселенная?
Где моих любимых лица?
Горница нетленная?
Я хожу по парапету
Голубого глобуса.
Нет, как не было и нету
До земли автобуса.
Осаждают слезы веки.
Осы мыслей роятся.
В кои веки... в кои выси
Хочется устроиться.
Я проехал временами
Вековой провинции.
А сейчас вернулся б к маме.
Мне пора уж, в принципе.

«Я из города де-градировал...»

Я из города де-градировал.
Огорошенный лжи горой,
Этот город мне аплодировал,
Словно умер я, как герой.
Я оставил жить в этом городе
Сумасшедшую свою тень,
Узнаваемую по гордости,
Но не признанную никем.
Навзничь назем себя отбрасывать
Отболело в пылу страстей.
Ежечасно ждал... Но напрасно ведь
Ждешь из города новостей...
Этот город мой – деградировал.
Гордость города, словно тень
Подзаборную, не помиловал
Новый светский ненастный день.

XXI век. Сезон туманных перспектив

«Я поеду в Ярославль...»

Я поеду в Ярославль
Не за прозой, но за славой.
В Ярославль я влеком
Разнотравным молоком.
И поеду – как ни странно —
За насущным, легендарным,
От породистой коровы...
Знать, напоят Ярославны...
Достославны Ярославны!
В Ярославль я влеком
Не единым молоком —
Есть и сахарные планы!
Я поеду в Ярославль
Восхищаться не коровой.
Говорят, там Ярославны
Суть помечены короной!
Я наивный, в сказки верю.
А поеду и проверю.
Вот... Я по столу стучу.

Ярославну я хочу!
Увезу её с собою
Прямо с паперти собора.
Пусть любитесь родня,
Собираясь у плетня.
Белолица Ярославна,
С русой длинною косою,
Русской грустью осиянна
И естественной красою...
В общем, решено, за славой,
Как варяги в прошлый век,
Я поеду в Ярославль
После дождичка в четверг.

«Куда пойти, куда податься? ...»

Куда пойти, куда податься? —
В эпоху смутных перемен
Задумываюсь принцем Датским,
А – бич. И бывший джентльмен,
Уволенный по воле рока
Без рук, без ног, без головы.
Одно достоинство – морока
Писать стихи. Да не новы,
Не в конъюнктуре
Способности судить отлично
От других. Судить де-юре,
Когда де-факто нет наличных.
Авось, податься в петухи?
Попробовать сойти с ума
И бред свой выплавить в стихи,
Как лом цветной – в колокола?..
И зазвенеть, закукарекать
За право вышвырнутых в мир —
Бесплатно, льготно, как калеки —
Ходить в общественный сортир?..
А может... может, все-таки
Трудоустроиться законно
В дежурные снеговики?!.
И морковь грызть до заговенья?..
А может быть,

Отдаться чувству,
Как вспыльчивые господа —
Служить великому искусству:
Быть простофилей... хоть куда?
Куда пойти? Куда податься?

«Как живем мы?..»

Как живем мы?

Живем – рукава не жуем.

Любим родину честно и строго.

Ненавидим ворье. Об отчизне поем.

И не веруем в господу бога.

Здесь, в отрогах Саян,

На степных большаках

К честной жизни до смерти причастен,

Брат наш весел и пьян,

Любит русский размах,

Не устанет гоняться за счастьем.

Брат наш курит и пьет,

Чертыхается в мат,

Прибегает, гневясь, к мордобою.

Он трудяга и мот,

Обнищал до заплат,

Должен – всем...

Рассчитается кровью.

Он в одном лишь слабак:

Не умеет понять —

Кто в отечестве главный на кухне.

На кого всех собак

Всей слободки согнать

И кого мы «подернем и... ухнем!»

Затрещит, как в семнадцатом,

Барский амбар,

Пал уйдет за черту горизонта!

Ох, и выпустим мы выпускной этот пар!

Ох, понравится эта работа!

«Земным богам – не потакать...»

Земным богам – не потакать.
О, господи! Какая проза:
В наш желчный век ума искать —
Как смерть от ампулы наркоза.
В наш глупый век, в наш скорбный век,
Утрачивая чувство меры, не замечать,
Что человек – дитя причудливое эры,
Презренной пломбой имярека
Униженное. Да, но ведь
Кумиров и богов иметь —
Лишь только прихоть человека.

Из цикла «Актуальные вопросы»

«В стране...»

В стране,
Где утрачено
Чувство ритма,
Где мчат поезда
Моих дней
Под откос,
Сосуществую я с совестью скрытно,
Точно шпион, заподозривший «хвост»,
Здесь логику лжи
Насажают в законах
И грабят бессовестно
Падших и нищих.
Здесь смелых и умных
Мордуют в дурдомах
И стройками века зовут пепелища...

Как мне живется?..
Горько и стыдно
И отстраненно от жизни самой.
Бунт – не достоинство чести,
Но, видно, не защитишь свое пузо сумой.

«Господин ученый секретарь...»

Господин ученый секретарь,
Генеральный, первый или прочий,
Что сказала партия той ночью,
Когда ей в лоб засветили фонарь?..

«Господин паталогоанатом...»

Господин паталогоанатом,
Исследован ли
Принцип механизма,
Как верили мы
В призрак коммунизма,
Что он явился нам
Вещественней, чем атом?..

«Как идол Перуна, языческого бога...»

Как идол Перуна, языческого бога,
Я деревянным глазом видел много.
Что вижу я христовыми глазами,
Наполненными скорбью и слезами?

«Я – подмастерье...»

Я – подмастерье,
Ремесла заика.
Во рту горчит
Негодование крика.
Недомоганье мочи
И таланта
Коптит среди ночи,
Словно в полдень лампа.
Я – подмастерье,
Светотень искусства.
Оттеняю бликами безумства
Аз глупых фраз бессмысленных
Юрода
От гениального
Безмолвия
Народа.

«Из года в год короче...»

Из года в год короче
Прелюбодеев ночи,
Пристрастнее родни
Покаяний дни,
Настойчивей веленье
Преодоленья лени.
И цены исключений
Переоценены.
Из года в год теряю
Предошущенье рая.
Прощаю, невзирая
На то, что не прощен.
Всё глубже убежденье
Возможности паденья.
И грузом достижений
Не самообольщен.
Все чаще многоточие
Меняется вопросом:
Хлебом ли единым?..
Воин ли один?..
Хлеб предпочитаю всем деликатесам
...И прочие, и прочие
Достоинства седин.

**«Ах, что вам пожелать,
скупым и длинноносым?..»**

Ах, что вам пожелать, скупым и длинноносым?
Везде свой нос совать и – не остаться с носом!

«Как же так, мой подзаборный брат...»

Как же так, мой подзаборный брат,
Обнаружились мы поутру в канаве?
Или канава – это символ врат,
Уводящих к неизбывной славе?

«Одного не понимаю я умом...»

Одного не понимаю я умом:

Кто дерзит мне там – во мне самом?

«Выйду ночью помочиться...»

*«...народ, сидящий во тьме, увидел свет великой.
И сидящим в стране и тени смертной воссиял
свет...»
(из Библии)*

Выйду ночью помочиться:
Одинокий свет лучится
Средь космических систем —
Планетарный Вифлеем...
Красной нитью грешных тем
Божий облик часто снится.
То ли снится, то ли мнится
Иудейский Вифлеем?
Сны, мистерии, химеры...
Мнящим – мнимое.
А тем,
Кто блажен в исконной вере,
Воссияет Вифлеем!

«Осенняя погода на дворе...»

Осенняя погода на дворе
Вполне располагает выпить водки
И покопаться в старом словаре.
Данилов... был успешливый заводчик.
А сам-то пил? И тоже поутру?
И так же бил стеклянную посуду?
Словарь большой, но вот ни тпру ни ну...
А водка – собеседник, просто чудо!

«Скажи мне, милая, открыто...»

Скажи мне, милая, открыто:
Я далеко не идеал?
Всё то ж, по Пушкину, корыто
Сто крат на новое менял?
Перо в перинах – на соломы,
А шампанских пены – на пивка?
И у боярские хоромы
Челом не вышиб потолка.
Ну, словом, ни ума ни чести?
Но вот, изволь, моя стрела:
Скажи мне, милая, без лести:
А ты мне Лебедью была?

«Ну, посидели пару раз...»

Ну, посидели пару раз,
Погорячились парой фраз,
Попарились на пару...
Ну, посмотрели порнофильм
Про смоковницу из Афин.
Позарились на пару
Смазливых крепких ягодиц.
На торс – от бедер до ресниц —
На фартук и тиару.
Поговорили об ином
О том, о сем. А заодно
Поспорили по факту:
Что содержание без форм —
Не жизнь, а только марафон
И спринт к инфаркту.
Ну, оценили кто и что...
А кто и что?
Да дед Пихто! И Баба-Ежка...
И кончен бал, как коммунизм.
И разошлись туда, где жизнь
Вопит, как неотложка.

Экспромт

Вот и вышел, зная, стыд и срам иметь...

Голова болит о живом.

Хорошо мне знать,

Что не знает мать,

Каково в России живем...

Мой партийный брат —

В пиджаке бостон.

Он танцует в баре чарльстон.

Ах, какой танцор, ах, какой пиджак...

Мне и пуговиц не вертеть на нем.

Каково мне знать,

Что мой друг – мой враг,

А джентльменский клуб – гастроном?

Вот и вышел, зная,

Бит и отстранен,

На последний в жизни парад.

«**Души уже нет...**»

Души уже нет.

Жизни гул схоронив,

Канула в лету молва.

Диких степей, редколесий и нив

Чахнет трава-мурава.

«Декабрь лютует на исходе!..»

Декабрь лютует на исходе!
Замерзла крынка на колу.
И даже мысль о новом годе,
Увы, замерзла... Под полу
Сквозит студеная поземка
Озябшей матушки-зимы.
И нежный трепет от земли —
Как наркотическая ломка,
Трясет и душу, и мослы.
О, боги будущих циклонов,
О, выюг рождественских послы,
Примите дань моих поклонов.
Вопя с Егорьевской часовни
(часовня в помыслах моих)
И в небеса вонзая стоны,
Я не псалом читаю – стих
О том, что злой декабрь лютует,
Замерзла крынка на колу.
Но Рождество – как аллилуйя —
Вот-вот завьюжит по селу!

«Век спустя, войдя на миг...»

Век спустя, войдя на миг
Под тень собора,
Приходите.
Хватит кинуть. Жен – с собою.
Восхождение совершим
На пляж гурьбою,
Наконец-то, помолчим
Под шум прибоя.
Захватите – будет кстати – и гармошку.
Вспомним нашу дорогую
Деревеньку.
Надя снова нам прочтет про бабу-ёжку...
Так и новый век освоим
Помаленьку.

«Подснежник – первый гвоздь весны! ...»

Подснежник – первый гвоздь весны! —
Проколет наст.
Вот так и жизнь из глубины
Проснется в нас.

Песни души

Сеньорита Сентябрина

Песня для гитариста Раиса Басьрова

На ладонях сентября
Ты подарена березовому лесу,
И с фатой из серебра
Поразительно похожа на невесту.

Припев:

А венчальные плечи опечалились.
– Сеньорита Сентябрина! – я кричу. —
Этой осенью вы счастливы?
И ты тихо наклоняешься к плечу.

Гости едут впопыхах,
Вина пьют, как заколдованные росы,
А на свадебных столах
Продают уж твои бронзовые косы.

Припев:

Кучевые облака,
Словно лебеди, заснувшие в полете,

Приплывут издалека
И обронят белый пух на пестром свете.

Припев:

Стаей серых журавлей
Закружится наше счастье над полями.
Ты мне скажешь: « Не жалеи!» —
И умчишься в облака, за журавлями.

Припев:

А венчальные плечи опечалились. —
Сеньорита Сентябрина, — я кричу. —
Этой осенью вы счастливы?
Вместе с вами улететь хочу!

Песня однокашнице

У тайги нет твоих примет.
Ах, тайга как тайга.
Край пропащий. А впрочем, нет.
Мне тайга дорога.
Здесь кедровые пагоды,
Тополевый пожар.
Здесь пунцовые ягоды
Твоих глаз – твоих чар.
Вороха твоих писем мне
Не прошли перевал.
Ты могла бы вполне... вполне...
Я ж тебя целовал.
Я тебя целовал во сне.
Извини, коли что...
Ах, Елена Шаракшанэ,
Ах, мой маленький той.

Лена Николаева

Бардовская песня

Лена Николаева, солнышко июльское,
Разнотравный сенокос, первый медогон...
Пахнет сено пряное водкой старорусскою,
Запах жалит жалом ос и – шиповником.

Лена Николаева, детские сандалии
Босы ноги отпустив, виснут на суку.
Чьи-то руки-обручи стиснуты на талии,
Поцелуй вишневых слив сорван на скаку.

Скачут годы конные нашей эры, кажется,
Наступает по утрам сладкой муки стон.
Попирая спаленки доски подоконные,
Беспричинно – по делам – ходит фараон.

Лена Николаева, Нефертити Юрьевна!
Глаз лазурная финифть принахмурена...
Женихи и хахали городка подлунного
Умудряются финтить, инфантильные!

Лена Николаева,
Пахнет сено пряное,
Поцелуй вишневых слив,

Сладкой муки стон...

Романс

«О, я хочу безумно жить»

А. Блок

О, я хотел бы вольно жить!
Бездумно женщину кружить,
Безумным верить небылицам,
Во всем на случай положиться.
Умру в желаниях моих,
Когда без хитростей известных,
Мне не исправить мест окрестных
И правил жизни не простых...
Я принужден наукой светской
И веком с рабской хитрецей
Под театральной улыбкой
Скрывать фатальное лицо,
А в миражи, а в кутежи —
Обеспокоенную совесть.
...А что печальнее, чем повесть
Закрепощенности души?..
И не откупишься мечтой
Или тоской, монетой сорной,
И время вычислить — за что
Меня осудит век мой вздорный.
И приговор — а-ля премьера! —
Не Колыма, не полынья,

А исключительная мера
Неистощимого вранья.

Романс

Я у женщин в долгу.
Я алмаз из породы не высек.
Слов безумный букет
Я не каждой из них подносил.
В суматошном бегу
Не проник в откровенья записок,
Ради самых святых
Не сносил головы, не сносил.
Милый женский народ!
Не велите казнить раньше срока.
Не спешите изгнать,
Не вините в бесчестье и лжи.
Солнце всходит в саду...
Вспыхнет сердце в мгновение ока,
Наши души сольются
И станут, как вишни, свежи.
Я у женщин в долгу.
Не сторонник долгов и оброка
Продолжаю искать
Драгоценные камни любви.
Верю я, видит бог,
В этой жизни не так уж все плохо.
И любовь возвратится,
Вернется на круги свои.

Романс

...Так произвел захороненье
Останков юности моей.
Земля им пухом, а деревня,
Увы, надгробьем из камней.

Земля вам пухом, наслажденья
От юной глупости и грез...
И страсть. И нежность. И паденья.
И тайны белые берез...

Прощайте, жизни увлеченья:
Блюз соблазнительных речей
И танго томные влеченья,
И тайны темные ночей.

Столица нашей родины

Песня

Есть такая столица – Минусинск.
Есть страна-аркадия – Россия.
Ставлю лапти против мокасин:
Есть в Сибири сказочная сила.
Ах, сказка – зима.
Ах, присказка – лето.
Бахвалится кума
И про то, и про это...

Есть в столице родины моей
Малая артерия – Протока.
Поделился щедро Енисей
Беловодьем горного истока.
Ах, сказка – зима.
Ах, присказка – лето.
Бахвалится кума
И про то, и про это...

Поделился Западный Саян,
Поделился брат его – Восточный.
И Кузнецкий Алатау-стан —
Плодородной минеральной почвой.
Ах, сказка – зима.

Ах, присказка – лето.
Бахвалится кума
И про то, и про это...
Расцветают аркадии сады,
Черемошник щурится от снега,
Заливается щегол на все лады.
Песенной души моей коллега.
Ах, сказка – зима.
Ах, присказка – лето.
Бахвалится кума
И про то, и про это...

Есть такое местечко – Минусинск
В азиатской полосе России!
Ставлю лапти против мокасин:
Нет другой такой земли красивой!
Ах, сказка – зима.
Ах, присказка – лето.
Бахвалится кума
Даже песнею этой.

Юбилейная песня

На музыку Анатолия Прохорова

Мой друг сегодня гармоничен.
Открыв года на пятьдесят,
Он взрывчат, сдержан, ироничен,
Горласт, как шумный детский сад.

Рванет – от края и до края —
«голяшку», вспомнит из баллад:
Вот мчится тройка удалая!..
«Ямщик»... «Бродяга»... «Хас-Булат»...

Он пьет, пьянеет, не теряя
Лица значительный фасад.
Он выбирает вместо рая
Ещё – вторые – пятьдесят!

Короче, друг мой гармоничен.
Как идеал – от сих до сих —
Он высвечен коротким спичем.
Чтоб быть отличным... от других.

Песня для Любаши Терентьевой

На музыку Анатолия Прохорова

Расскажет осинник о чем-то осеннем...

Расскажет... возможно, споет:

«В поселке Подсинем под куполом синим
Подсинская Леди живет...».

Гуляет по паркам, на пару с метелью

Гуляет... возможно, метет.

С февральским азартом, с загадочной целью
Снега завихряет и вьет.

Вперед! – от сугробов, узорчатых окон

В весенний щемящий край,

Хмелея любовью, березовым соком

Пьет заколдованный рай.

Подсинская Леди, возможно, миледи,

Возможно, милее и нет...

В созвездии Леды в палладивом плече

Парит среди мятежных планет.

Нептун и Юпитер – её покровители,

Пажи и... парад планет,

Возможно, завидовал каждый, кто видел

Её отраженный свет.

Расскажет осинник о чем-то весеннем,

Расскажет... возможно, споет:

«В поселке Подсинем под куполом синим

Подсинская Леди живет...»

Пока...

Бардовская песня

Пока в телах, пластичных словно глина,
Она и не стыдлива, и невинна,
Пока она чутка, как Магдалина,
Пусть будет ваше ложе неделимо.

Пока вам шелком – ощущение кожи,
И в сердце кипятки адреналина,
Пока есть та, что жадно жаждет то же —
Пусть будет ваше ложе неделимо.

Пока нет меры в измеренье счастья
И таинства любви пока интимны,
Для хмельных ласк весь день и ежечасно
Пусть будет ваше ложе неделимо.

Мишке Середину

Бардовская песня

Наше эхо, заикавшееся слишком,
Пережат ли – шум поэзии высокой! —
Я боюсь тебе напомнить, друг мой Мишка,
Прикоснуться и порезаться осокой...
Я боюсь тебе напомнить дорогое:
Тесь, соломенное солнце золотое,
Заливные запроточные покосы,
Зимы снежные: сугробы и заносы.
Я бы рад тебе напомнить бор тесинский
На восходе – как нефритовое с алым,
На закате – малахитовое с синим...
Да боюсь, что все уже отпыхало.
Затуманились забвения покровом
Краски детства. Какова теперь цена им?
Танцы в клубе с первобытным рок-н-роллом
Были, Мишка, только будто бы не с нами.
Неужели в склеротичных арсеналах
Не осталось красок ярких? Не осталось
Свежескошенного сена в сеновалах?..
Голубей на сводах церкви? Старость?..
Нет уж эха, заикавшегося слишком.
Хомуты, в конце концов, совсем украли.
Я боюсь тебе напомнить, друг мой Мишка,

Но, однако, на закате – не пора ли?

Валерию Мужайло

Бардовская песня

Когда я был юным – я был гениален,
Во мне бушевала мечта.
Я мир озирал с деревенских завален.
Была королевой мне та,
Единственная в Теребиловке, краля:
Литая, как соболь, коса...
И друг мой – из детства, из сельского рая —
Звал фотографироваться.
Он фотографировал нас на опушке,
И – чтобы гитара... тра-ля...
И чтоб на затылке два пальца, как ушки,
И чтобы та краля... была.
А главное, чтобы сплоченной ватагой
Нас запечатлеть на века,
Тесинский фотограф с душой и отвагой
Нас целил... с азартом стрелка!
Вот мы у пещеры, а вот среди сосен,
Вот – с новой афишей кино.
Вот щелкнул он лето, а может быть, осень...
Должно быть, зима уж давно.
Не знаю, что с нами сейчас происходит.
Какое-то желтое знамя.
Какая-то качка, как на пароходе.

Какая эпоха – не знаю...

Когда я был юным – я не был, как Сталин,

Известен подвижническим делом.

Фотограф! Ты был... был зело гениален

В искусстве своем черно-белом.

Гимн краеведческого фестиваля

Музыка В. Болотниковой

Путь-дорога домой – кровеносная вена,
А родительский дом – это сердце земли.
Возвращайся домой, опустишь на колено
И гордыню свою, и свой пульс успири.

Припев:

Односельчанка – весточка из детства,
Односельчанин – первый зов любви,
Не забывай восходов чародейство
И колдовство закатов у Тубы.

Хорошо б нам с тобой на купальное лето
Убежать в нашу Тесь от мирской суеты,
Разузнать обо всех, разослать им приветы
И спросить – не забыть – ну, а как же, мол, ты?..

Припев:

Посидим у плетня, вспоминая гармошку,
Крестик улиц родных и все те же дома...
Ну а хочешь, давай по чуть-чуть, понемножку,
Попоем про деревню, про школу, про мам?..

Припев:

Односельчанка – весточка из детства,
Односельчанин – первый зов любви,
Не забывай восходов чародейство
И колдовство закатов у Тубы.

Песня сына

Бардовская песня

Эй, тусовка, заторчала, блин!..
Коза ностра, биржа и реклама.
Ну, еще немножечко тусовка —
Это дым... Дым фимиама.

Мы дети кулуаров и толпы.
Наши нравы – Цой и мотоциклы.
Ну, еще немножко любим девочек и дым,
Дым коромыслом!

Мы сегодня в завтра не глядим,
Бизнеса не знавшие иваны,
Знавшие немножечко, что бизнес – это дым,
Дым марихуаны.

Ныне – присно горе от ума.
Божий мир не без родимых пятен.
Но по-прежнему, по-прежнему
Отечества нам дым
Горек и приятен!

Визитная песня «Енисеюшко»

Тари-тари-тари-тари,
Судары, сударыни!
Сени-сени-сени-сени,
«Енисеюшко» на сцене!

Ду-да, ду-да, ду-да-ри,
Сударыни, судари!
Ай-дари-дари-дари
Тароватые дары.

Вам от крепкого мороза —
Пунцовеющая Роза!
Вам от пагубных снегов —
Шуба беличьих мехов!

От Саяна-яна-яна —
Запах пряного бурьяна!
От Сибири-бири-бири
Низко кланяться просили!

И наш хор – тебе, Расея,
От красавца Енисея!

Бардовская песня

Понимаешь, удивительное – рядом!
Чудеса нас окружают, чудеса...
Чудеса идут торжественным парадом,
Как Летучего Голландца паруса.
Чудесно просыпаться,
Чудесно выпить кофе,
Чудесно прокатиться в чудесный Абакан.
Чудесного чудесней —
Своей любимой профиль
Вообразать по мирно бредущим облакам.

Чудесно жить в России,
Чудесно быть мужчиной,
Чудесно дом построить в отеческом краю.
Чудесного чудесней березы и осины
Воспринимать, как будто находишься в раю.

Чудесно сомневаться,
Чудесно верить в дружбу,
Чудесно доверяться теплу чужих ладош.
Чудесного чудесней, когда ты сам, мой милый,
Среди чудес известных кудесником сльвешь.

Понимаешь, удивительное – рядом!
Чудеса нас окружают, чудеса...

Чудеса идут торжественным парадом,
Как Летучего Голландца паруса.

Спич к Нику Бородину

Простолюдин и господин,
Без тостов и патетик
Возьмем стаканы,
Воздадим всем истинам на свете!

Ах, бородатый Бородин! Иди сюда, дружище,
Возьми гитару. Посидим и истины поищем.
И бородатый Бородин в прообразе Иисуса
Идет со сцены, не один идет – несет искусство.

Ах, борода! Ах, Бородин! Сними венец терновый,
Сними с лица печальный грим. И фрак с плеча не новый.
Договорим... Ах, извини, к столу подсуеетимся.
«Все жомини, да жомини...». В борделях не постимся.

Вечор, ты помнишь, Бородин, патетику в октаве
Коммунистический годин: «...о добрести, о славе»...?
Несли со сцены молодым, что «...будет людям счастье»,
Что вот построим Машхимдым... И по колхозной
части...

На Марсе, – помнишь, Бородин? – мы яблони сажали!
«Мечтать не вредно, господа!» – сквозило со скрижали.
Мечтать о плотском и святом, петь в некотором роде
Мечту заглавную, фантом о том, что призрак бродит

Без головы или без ног, занюхан иль залапан...
Но он явился нам – легко! Вещественней, чем атом...
Он к каждой нынешней семье, как крыса, подселился:
И в старом облике возник – подпольщиком явился!

Мы так скулили о себе в скабрезном анекдоте
И в грустных повестях «Любэ», и в сказках о Федоте-
Стрельце, удалом молодце, прообразце народа,
Что вдруг открылось нам в конце, что – сукиного рода...

Мы снова вышли, как один, и – видишь! – в Новом
Свете...

Ну, а теперь? А, Бородин?.. Какие песни пети?
Заря, как кровь на рукаве, алеет на рассвете.
Шуршит молва в сухой траве. И гул глухой. И ветер...

Эй, господин, простолюдин,
Без тостов и патетик,
Возьмем стаканы, воздадим
Всем истинам на свете!

Песня угонщика

Мой папа – Константин,
А я Константинополь
Не то, чтоб не любил,
Не знал его совсем.
Мы в Турцию летим!
Я полтайги протопал
И золото намыл.
Уеду насовсем.
Мой папа Константин
Борисович. В ОВИРе
Не верили, что «...Я
Турецко-подданный...»
Мы в Турцию летим!
Я жил бы в ИзраИле,
Но – пошлый ритуал калечить органы...
Мой папа Константин
Не петрил в конъюнктуре.
Ни Берлином, ни Римом
Не бредил, пацаны.
Мы в Турцию летим!
Пойду к паше, в натуре,
Обзаведусь гаремом.
Жид необрезанный.
Мой папа Константин,
А я сын Константина.

И сын я, так и быть,
Той самой матери...
Мы в Турцию летим!
Эй, командир, скотина,
Не вздумай посадить нас
Где-нибудь в Твери!

Песня жениха

На музыку Саши Холкина

Выезжал на белом коне,
В терема сватов засылал.
А, ну выбирайте по мне,
Чтобы увидал – запылал!

Чур, не крива, чур, не квашня.
Чай, не засиделась поди...
Эй, держите, парни, меня,
Поперед бегут сапоги.

Анна, будь моей женою,
Не держись за терема.
Анна, пропадешь за мною...
Пропадешь и без меня.

Ах, рубаха вся в петухах,
И в кулачных битвах удал.
Да такого б нам жениха...
На божничке б век восседал.

Спешусь я спешно с коня,
На колено с маху паду.
Жемчугами девку маня,

Пагубную речь поведу.

Что же нам делать, сваты,
Коль отец и мать супротив?
Не захочет Анна идти,
Вам другой такой не найти!

Знать, гореть в кромешном аду,
Сдуру рай за жемчуг скупал.
Под венец попал и – пропал...

Без нее совсем пропаду!

Экстрасенс

Жил-был чудной экстрасенс,
Падших лечил и больных.
Денег не брал за сеанс.
Не было денег у них.

О, нищета, нищета, нищета!
Не моги сметь!
Нет на тебя ни меча, ни щита...
Только лишь смерть.

Правую руку он брал,
Мимо обличья смотрел.
«Господи, этот не крал.
Грешен, что красть не посмел».

В космос незримо смотрел.
Может быть, звезды читал.
Вторить себе он велел.
Странные речи шептал.

«О, нищета, нищета, нищета!
Не моги сметь!
Нет на тебя ни меча, ни щита...
Только лишь смерть»

Странный, чудной экстрасенс.

Разве он вылечить мог?

Денег не брал за сеанс,

Будто богач или бог.

Сон

На музыку Саши Холкина

Господи, что за дела?
В зыбком предутреннем сне
Снилось мне, что я была
Девой на белом коне.

Белый торжественный конь
Был мне и церковь, и дом,
Жил заодно с седоком,
Зная и плеть, и ладонь.

Господи, что за дела?
Грубый сорвавшийся конь
Вышиб меня из седла,
Стать норовит седоком.

Как же я, господи, зла!
Кто меня спутал и сгреб?
Боже, кому я дала
Бросить поводья в галоп?!

Господи, что за дела?
В смутный, решающий час
Я, словно лошади часть,

Вдруг закушу удила!

Вдруг, своенравная тварь,
Вскинусь локтями в дыбы:
Хоть загони, хоть запарь,
Только не рви мне губы!

Эй, дикошарая, сдай!
В шпоры бери! В стремя!..
Господи! Господи, дай,
Дай избавленье от сна.

Легенда о любви

На музыку Саши Холкина

Блеклое золото лун
Меркнет в кувшине вина.
Пьян седовласый драгун
И маркитантка пьяна.

Горечь мне горло першит,
Я не пьянею, увы.
Кто я? Гуляка-ямщик,
Отданный в бритые лбы.

Там, на родимой земле,
Вне крепостного двора —
Правда, чтоб мне околеть! —
Жил. Ночевал у костра...

Барыня, белая кость,
И с бриллиантом рука...
Вышла ко мне на покос,
Села в седло ямщика.

С той забубенной поры
Барскую честь берегу —
В пики, в штыки, в топоры —

Первым в атаку бегу.

Знаю, меня не убьют.
Сломаются штык и топор.
Пуля отыщет в упор —
Кости мои не сгниют...

Там, на родимой земле,
Сквозь времена... времена...
Правда, чтоб мне околеть! —
Барыня любит меня.

Злато поблекнет и медь,
Испепелится земля.
Только ни старость, ни смерть
Не ожидают меня.

Старые лики икон
Благословляют меня.
Скачет мой преданный конь
Сквозь временные поля.

Здесь моя родина Гжель?
Лайнер куда меня мчит?
Ах, неужель... неужель,
Я, как и прежде, ямщик?

Пьян седовласый бортмех,
И стюардесса пьяна.

А истерический смех
Перепополняет меня...

Сквозь истерический смех
И сквозь реактора крик
Крикнет мне в ухо бортмех:
– Крыша гуляет, старик?..

Блюз-песня

В сентиментальном блюзе,
В приморском ресторане
Я обнимал тебя.
Фагот нам пел о юге.
В сиреневом дурмане
Я обольщал тебя.

Ты парила в ритме блюза.
Ты плыла в анабиозе сна,
Моя девственная муза,
Подшофе любовного вина.

В амурном блюзе близки,
Потягивали виски
За наш союз.
В инструментальном стиле
Друг друга мы любили...
Да отыгрался блюз.

Ты парила в ритме блюза.
Ты плыла в анабиозе сна.
Моя девственная муза
Соблазняла близостью меня.

В сентиментальном блюзе...

В инструментальном стиле...

Грустный мотивчик

На музыку Леонида Смотров

Солнышко, подсолнушек, околица села.
Кружится-куражится, хмелеет голова.
Томные, сердечные, амурные дела.
Гошкина гармошечка, тувушка-тува...

Хаханьки да хиханьки! И-их, кадильный лад!
Звонкие частушечки и чечетки чак.
Пальчики, ладошечки, шелковый обшлаг...
Валечка... Валюшечка... Тает шоколад.

Шустренький парнишечка. Шейх Али-Баба!
Гошкина гармошечка – не гошкина беда.
Валечка-Валюшечка... Закушена губа.
Смятая, неспелая, хмельная лебеда.

Солнышко, подсолнушек, околица села.
Поцелуй – не ссадина. Но сажа – не бела.
Девушка – не девица и не побыла...
Валечка... Валюшечка... Такие вот дела.

Окрошка

На музыку Анатолия Прохорова

Как готовила окрошку с утраца.
Покрошила – от яйца до огурца.
Посолила, не забыла лук покласть,
И отправилась в подполие по квас.

А в подполье!.. А в подполье – домовой!
Домогается, клянется, что вдовой...
Не до квасу... не до квасу... не до ква...
Видно, долго по девице тосковал.

Как готовила окрошку ввечеру.
Сняв с яйца и огурца их кожуру,
Покрошила. Не забывши про напасть,
Покрестилась и – в подполие, по квас...

А когда уже ложиться стала спать,
Вдруг задумала окрошки похлебать.
А в окрошке – две картошки. Две, как раз.
А в подполии к картошке этой... квас.

Прожила хорошей жизни полосу
На окрошке да на подпольном квасу.
Вдруг закончился картофельный запас

И в подполии остался только квас...

И однажды в не привидевшийся час
Вдруг закончился подпольный этот квас...
А без квасу не явился домовой.
И осталась недоквашенной вдовой.

А в другом уже подполье домовой
Домогается, наверное, к другой...
И мораль у этой басни такова:
Не ленитесь, девки, чаще ставьте квас!

Философская песня

На музыку Саши Холкина

Все в этом мире – и мы, и листва... —
Созданы жить в гармоничном согласье.
Но, нарушая закон естества,
Род наш людской обречен на несчастье.

Вообразите планету
Без травы, без цветов.
Каменные реки,
Океаны песков...
Рубка елей, берез —
Как сожженье мостов.
Ну, а там, за мостом —
Наш отеческий кров...

Злоба и глупость пророчат беду.
Зависть неистово жаждет отмщенья.
Совесьть – одна! – в покаянном бреду
Молит за душ – согрешивших – спасенье.

Милая

На музыку Саши Холкина

Милая, будь моим солнечным светом.
Милая, только б восход поспешил.
Утром я стану восточным поэтом
И опишу лучезарность вершин.

Милая, будь мне полуденной тенью,
Милая, пылкость мою освежи.
Тотчас же буду учиться я пенью,
Чтобы воспеть две влюбленных души.

Милая, будь мне закатной зарницей,
Милая, только уснуть не спеши.
Будем с тобою друг другу мы сниться
Где-нибудь там, в поднебесной глуши.

Осень в городе

Вот повесть – в степях.
Повествующий ветер
Летит с тетивы ковыля.
Вот город – в стихах.
Поэтический вечер:
Тополевый трепет белья.
Вот парки... Вот парни,
Блудящие девок
Листовою опальной березы.
Вот запахи прели
И пряного хлеба,
Дурманяще рвущие ноздри.
А осень – не возраст фруктового сада.
«Во вторник начался сентябрь»...
Пора уезжать. И пора листопада.
Прими нас, кочующий табор.
На мокрые площади
Медные лошади
Поданы, вожжи струя...
Не званы не прошены,
Мы ждем тебя, Господи.
Да сбудется воля твоя...
В безмолвии пляшут
Бегущие тени
Толпы восковых облаков.

Луч солнца, пропавший
Как настроение,
Оплавит железы оков.
А музыка! Муза Эпохи Покрассов...
И песня застойных годов!
«Засиделась одна...» —
У отдушины класса.
«Неужели тропинку
Ты ко мне не найдешь?»

.....

Когда это было?
В сочельник иль святки...
Гадание на Рождество.
Ах, ты не забыла...
Влюбленность! И сваты...
И кровное с веком родство.

Свадебная

Бардовская песня

Шампанское – в правой.
Лукавая Янка...
Мне странно,
Хмельно мне и лестно.
Мы пара,
Мы пара для белого танца.
Меня пригласила невеста.
И танец, и буря
В бокале с шампанским,
И зависть, и злость на партнершу.
Ты шепчешь: «Я дура,
Какая ж я дура!
Того ли я выбрала Лешку?»

Ах, Яна-Яна-Янка,
Не приставай так явно.
Свой тайный помысел открой.
Мне льстит твое вниманье,
Но не дразни желанья
Воображения игрой...

На счастье!.. И об пол
Бокалом с шампанским.

Чужую невесту легонько
Пронес через толпы
Гостей загулявших,
Слегка изумленных вдогонку.
Жених, ты прохлопал!
Не пара ты Янке!
Ну, что ж ты не крикнешь нам: «Горько!»?
Как сорванной пробкой —
Пощечина дядьке.
Ах, дура ж ты, Янка, и... только.

– Ах, Яна-Яна-Янка,
Не приставай так явно.
Свой тайный помысел открой.
Мне льстит твоё вниманье,
Но не дразни желанья
Воображения игрой...

Эй, дружка, повторно
Для белого танца
Поставь аргентинское танго.
Какая нелепость,
Какая досада:
Меня игнорирует Янка.
И гости меж нами
Встают, как цунами,
Тесня меня до горизонта.
А Янка лукавит
Косыми глазами,

А я все кричу, словно зомби:

– Ах, Яна-Яна-Янка,
Не приставай так явно.
Свой тайный помысел открой.
Мне льстит твое вниманье,
Но не дразни желанья
Воображения игрой...

Свадебная-2

Бардовская песня

Люблю тебя, свадьба! Ай, чувство какое...
Как будто пора женихаться,
Оставить свое словоблудье в покое
И к девкам в покои забраться,

И... и в сеновале льняные кудели
На палец, шутя, навивать и...
Свадебной деве – любви и паве —
Запудрить мозги на закате!
Люблю эти свадьбы: широкие жесты
И шумные шорохи шелка,
И чуткое чувство таинственной мессы,
И бурную брань кривотолка.

Люблю разговоры, горячие песни,
Такие, чтоб сердце хмелело,
А певчие хоры зашлись, словно в раже,
Душа бы покинула тело!..

Душа б не покинула тело...

Но хватит об этом! Уж хочется плакать,
Прильнув к нашей свадебной паре.

И хочется выпить со всем белым светом,
Рука уже проситься к таре.
И – слава-те, богу, – закуски готовы,
Стихи – как лимонная долька!
Пою мою оду супругам готовым.
Итак, дорогие, мне горько!

Маруся, Маша, Марья

На музыку Саши Холкина

Постой. Не спеши. Поворкуем.
Про жизнь и любовь потолкуем.
Коснемся друг друга – и током
Внезапно сразит нас истома.
Маруся, Маша, Марья,
Давай закроем ставни...
И пусть поет гитара
Про обнаженье тайны.

Луч закатный над изголовьем,
Словно меч, разделить нас не в силах.
Мы так жадно друг друга ловим,
Словно нежность вскипела в жилах.
Маруся, Маша, Марья,
Давай закроем ставни...
И пусть поет гитара
Про обнаженье тайны.

Любить – значит, выбрать разлуку —
Яд забвенья до будущей ночи.
Шепни. Я воскресну по звуку
Камертоном певучим. А впрочем...
Маруся, Маша, Марья,

Давай закроем ставни...

И пусть поет гитара

Про обнаженье тайны.

Ветер с моря

На музыку Саши Холкина

Ветер с моря – свежий ветер
С пенною волной.
В брызгах волн тебя заметил,
Лунный всадник мой.
Море шумело, билось,
И рокотал прибой.
Случилось!.. А что случилось?
Встретились с тобой.

В этот теплый летний вечер
Буду с тобой. Только с тобой одной!
Лунный всадник, о нашей встрече
Знает лишь бриз да уходящий зной, зной, зной...

Млечный Путь зовет, ты помнишь,
Лунный всадник мой?
Увези меня за полночь
Сонного домой.
Море шумело, билось,
И рокотал прибой.
Случилось!.. А что случилось?
Встретились с тобой.

Упаду в пути, а лучше
Под своей звездой.
Лунный всадник неразлучный,
Где же наш постой?
Море шумело, билось,
И рокотал прибой.
Случилось!.. А что случилось?
Встретились с тобой.

Лазурная песня

На музыку Анатолия Прохорова

Не знаю, не помню,
За что меня ангел пометил:
Шутя, начертал на лице восхищения знак.
На пепельном небе
Я звезды внезапно заметил
И аквамарины собрал в акватории дна.

Кораллы, кораллы, кораллы
Созвездий на небе.
Кораллы, кораллы, кораллы
Коралловых рифов.
Я словно Кусто заблудился.
Но где бы я ни был —
Халиф я на час
И из самых счастливых халифов.

Я верю наивно
В слияние неба и моря.
Лазурь горизонта, как парусник, манит меня.
Лукавой русалкой
Богиня восхода Аврора
Выходит из пены морской при рождении дня.
Кораллы, кораллы, кораллы

Созвездий на небе.
Кораллы, кораллы, кораллы
Коралловых рифов.
Я словно Кусто заблудился.
Но где бы я ни был —
Халиф я на час
И из самых счастливых халифов.

Купается солнце
В лазоревом море восхода,
И день обнажается
Благопристойно вполне.
Не знаю, не помню,
За что не дает мне прохода
Небес синева, как русалка в лазурной волне.

Кораллы, кораллы, кораллы
Созвездий на небе.
Кораллы, кораллы, кораллы
Коралловых рифов.
Я, словно Кусто, заблудился.
Но где бы я ни был —
Халиф я на час
И из самых счастливых халифов.

Весна

На музыку Саши Холкина

Весна – как невест чрезвычайный съезд
На церемонии.

Царит целый мир с облаками небес
В нежной гармонии.

Весна – изо всех опьяняющих средств
Самое пьяное,
Дурманит своих прихожан и невест
Вербы дурманами.

Вербы свиданий и вербы любви,
Нежные вербы век...
Вновь распускаются вербы твои,
Мой дорогой человек.

Забавы любви нас дурачат вновь,
Вновь – обещания,
Что блудная в мир возвратится любовь,
Необычайная.
И каждый, мне кажется, каждый из нас
Вновь обмануться рад,
Готов окунуться в который уж раз
В сиреневый маскарад.

Сирени свиданий, сирени любви,
Сирень твоих нежных век...
Вновь расцветают сирени твои,
Мой дорогой человек.

Островок любви

На музыку Саши Холкина

На город падают хрустальные снежинки...
Хрусталь засыплет деревья и тротуары.
А я боюсь, что твои теплые слезинки
Расстроят тихий звук моей гитары.

Сверкает мир хрустальной порошей.
Скамейки, скверы, сумасшедшие рекламы
И звездочки в глазах моей хорошей,
И слов ее обиженные гаммы...

Где-то... на Млечном пути
Есть островок любви...
Островок любви...
Островок любви
Среди зимней стужи...

Замри, хрусталь, замри над городами.
Вьюга Млечного Пути волнует души...
Один кристалл моей прекрасной даме —
Как островок любви среди зимней стужи.

Где-то... на Млечном Пути
Есть островок любви...
Островок любви...
Островок любви
Среди зимней стужи...

Бардовская песня

Для супругов Бедненко

Я гостюю у Бедненков,
Фифти-фифти ром и баня.
У плиты колдуют девки:
Валя, Рая и Любаня,

Из трубы струится облак,
Из стаканов лезет пена,
В анекдотах соль, как в воблах,
Проступает откровенно.

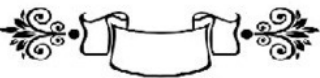
Ах, Бедненки – не бедненьки,
Пес и кот живут на сене.
У Бедненков пахнут деньги
В феврале и в воскресенье.

А цветы – оранжерея!..
А ковры – сюжет Корана.
А и вобла, как ни странно,
Даже вобла здесь жирнее.

Ах, Бедненки – не богаты,
Нет скота и нету хлева.
У бедненковковской хаты

Нет лишь герба в виде лева.
Нет в системе Пал-секама
Связи с римским папой Пием...
Господа, какая драма!
Даже нет проблемы с пивом!

Ах, бувайте здоровеньки,
Говорю я вам, Бедненкам,
гостюю у Бедненки —
Примечайте: это к деньгам!

«А мой внук играет на аккордеоне...»

Тимуру Злобину

А мой внук играет на аккордеоне...
Ах, его величество... ах, аккордеон...
Душу вынимает... душу вынимает!
И сажает эту душу гордую на трон.

А ну-ка тронь, аккордеон, аккордом за живое.
Зажги нам зарево степи и позови нас в путь.
Легенду века расскажи про знамя полковое.
Акккорд... аккорд... Ещё аккорд
О жизни не забудь.

А мой внук играет «Лунную сонату».
Гимн из поднебесия извлекает внук.
Только не луна тут... только не луна тут...
Виноват Бетховен и волшебных клавиш звук.

А ну-ка тронь, аккордеон, аккордом за живое,
Зажги нам зарево степи и позови нас в путь,
Легенду века расскажи про знамя полковое.
Акккорд... аккорд... Ещё аккорд
О жизни не забудь.

А мой внук играет... как мой внук играет...

Божье вдохновение созидает он...
И не надо рая нам, и не надо рая,
Когда внук играет нам и – аккордеон.

А ну-ка тронь, аккордеон, аккордом за живое,
Зажги нам зарево степи и позови нас в путь,
Легенду века расскажи про знамя полковое.
Аккорд... аккорд... Ещё аккорд
О жизни не забудь.

Уверовав в вечное...

«Поэт – как лесоруб в лесоповале...»

Поэт – как лесоруб в лесоповале.
Валит стихов преображенный полк.
И женщины глядят из-под вуали
(уж лучше показали бы пупок).

Отчаявшись на тяжкий путь сонета,
Он в каждом шаге, как первопроходец:
То дрожь берет в преддверии рассвета,
То жажда гонит вычерпать колодец...

По свежей рифме в кровь изголодавшись,
Оскомину набив, греша глаголом,
Уже не королем – поэтом голым! —
На аутодафе выходит...
Страшно...

И вот уж стихослушатель разинул
Счастливый рот в веселом изумленье:
– Давай ещё!.. И не тяни резину!
– Да ты не зэк, ты – Герострат, ты... Ленин!

И – чувства, в кровь нахлынув, дух сковали
И лезут в душу, как веселые мартышки...
А женщины глядят из-под вуали,
Стыдясь внезапной неотступной вспышки.

«Все дурачат других и себя, одураченных...»

Все дурачат других и себя, одураченных,
Выставляют иронией на смех и смерть.
Всё осмеяно тонко, опошлено смачно...
Эй, сатир, ты смехи,
А смеяться – не сметь!

Сонет

Он изможденным выглядит, сонет,
Когда идет, печаль преодолая.
Строка запнется, а за ней другая,
И вот уже лица на роже нет,

И вот улыбка киснет виновато,
А мысль смутится и замысловато
Плутает по катрену... А слова-то!..
А рифмы! Строфы рыхлые, как вата,

Слегка одушевляясь во терцетах,
Печаль преодолев, приободряются,
И оживятся, и найдут в поэтах
И пафос, и возвышенность, и грации,

И воскресят на выходе сонета
Поэзию – приют цивилизации.

«Не припевая мед...»

Не припевая мед,
Не преломляя хлеб,
Газетной промышляя безделушкой,
Поэт не строит дот.
Обороняя свет,
Довольствуется слова славной пушкой.
А ну-ка, пли, сонет! Ядром строфа гудит.
Поэма – арсенала мирный атом.
Поэт не ест, не пьет,
Над фабулой сидит,
Хореем изъясняясь аки матом.
Прицеливаясь, бьет
Отточенной строкой!
Прости его, Господь, патриотичность...
Ах, он промазал?! Пьет?!
А чин ему... на кой?

Поэт плохой.
Но все равно он личность.

«Не тем любезен буду я народу...»

«...И тем любезен буду я народу...»

А. Пушкин

Не тем любезен буду я народу,
Что власть браню, ничтоже ни щадя,
Что в люди вывожу свою породу,
Но криком лишь... стихов на площадях!

Писал их, кровью пропитав и потом,
И шлифовал, как зернистый гранит,
И, словно пчелы липкий мед по сотам,
Закладывал в них яд и динамит.

Ах, этот яд любви новорожденной!..
Ах, динамит рождающихся чувств!..
Почасовой работой и поденной
Метался между ними и – мечусь...

По гулким площадям, по пьяным барам
Живых взрывал, а мертвых – воскрешал.
И тем любезен был певцам и бардам,
Что на партийных съездах не вещал.

А если был народу чем любезен,
Любезен был... да тем и интересен...

Как яд пчелиный – с остря строки,
Читать, читать, читать свои стихи.

Претензия к интернету

Мой брат, поэт, обуреваем делом:
Пегаса водружает на портал.
Перо – долой!.. (Оно затрепетало...
А как вчера гусиное скрипело!).

Как пело золоченое перо
Про брег морской и рыбку золотую! —
Рунет, ты интерИровал перо!
Насытил космос мёртвой чешуёю,

И в ранг поэта водрузил Балду!
Кого, скажи, на омут ставить Бесом?!
Рунет с Эвтерпой милой не в ладу,
И флудит-блудит, как Сусанин лесом.

О, не держи обиды, интернет.
За что на них, блаженных, обижаться?
С поэзии давно уж пуха нет
И нет резона за перо держаться.

«Я дерзок есть...»

*Подруги милые! Покуда мир стоит,
Он держится на вашей нежной силе!
На хрупкие плеча кариагид
Когда-то небо элины взвалили,
И женицины-столпы из века в век —
Не шелохнутся, держат мира своды...
Не в этом ли залог ТВОЕЙ свободы,
Земли хозяин, дерзкий имярек?!?!*

Марина Саввиных

Я дерзок есть.
Но дерзость мою...
Былинную... банальную, как терпкость...
Мою свободу с жадностью я пью
Не в вас ли, моя милая Эвтерпа?..
Эрато ли...
И, верно, Мельпомена...
На плечи свои хрупкие не вы ли
Подняли имяреков и взвалили,
Как ношу, дерзостно и вдохновенно?!.

«И страшно за поэзию, и стыдно...»

И страшно за поэзию, и стыдно.
В неистовой запашке огород.
На ниве слов усердствует народ.
Ботва растет! Ну, а плодов не видно.

«Стихи идут от искренности чувств...»

Стихи идут от искренности чувств,
Влюбленности внезапной иль тоски.
Я в мышеловке лжи, и я мечусь,
А жажда жить вгрызается в виски.
...Растет трава, неистовствуют злаки,
Цветет и пахнет луговой бурьян,
Но даже сбор пчелиный, горько-сладкий,
Не исцеляют плоть душевных ран...

«Денисы, Глебы, Германы... тут пишут...»

Денисы, Глебы, Германы... тут пишут.
Я не пишу, не пишется, увы.
Сижу в чалме, как сам индийский Кришна.
Проблема, блин: расстройство головы.

Расстроилась, наверно, из-за Геры.
Как он сказал... «Я истину нашел!»
И к Герману отсюда нету веры.
Пошел ты, Гера, на... куда ты шел.

Возможно из-за Глеба взрыв мигрени.
Он написал мне в блоге: «Идиот?»
И все из-за какой-то благохрени,
Которую я лайкнул: «глебажжот».

И вот уж точно не из-за Дениса
Трещит моя больная голова.
Он отбыл в Киев праху поклониться
Какого-то Мыколы-сотника...

«Я, как и вы, сижу по вечерам...»

Я, как и вы, сижу по вечерам
В своей библиотечно-домной зале.
И «вчикиваю» в Word из-под пера
Цитаты для «Тесинской пасторали».

Спич друзьям

Столы, как положено, в полном ажуре.
Гуляющих ратников рать!..
Хочу я сказать вам... соображу ли?
Друзьям я без устали рад.

На бранное поле явилась дружина
Сражаться – ни шагу назад!
Померяться силою с бражкой-вражиной
И стойкость свою показать.

Дружиной мы бражничаем... аки вои.
Когда ещё встренемся в поле!
Друзья, не ленись в благородном загуле —
Зело разгуляться на воле.

За дружбу! За то, чтоб мы жили с любовью,
А также за наших сударынь!
Которые нас растревожили бровью...
Но прежде, конечно, как встари,

Поднимем заздравную полную чашу
За отчину милую нашу,
За душу её, достославную пашню,
Поднимем заздравное брашно!

«Обронила осень акварель...»

Обронила осень акварель
На палитры луга и небес.
Ай-да праздник, выкрасивший лес!
Ай-да гомон красок! Ай-да трель!..

Охру ли в закаты окунув,
Осинив ли заревом лазурь,
Запалила осень травы нив
И пожар пустила ввысь и ширь.

«Теперь мы ждем семнадцатого года...»

Теперь мы ждем семнадцатого года
И с ним – очередной Армагедон.
Такие мы! (В семье не без урода.
У нас – не голова. У нас – дум дом.)

Наверно, встанут мертвые из гроба.
(Как вариант: совсем наоборот).
И – счастье православного народа,
Спаситель-бог – нас примет у ворот.

И нам отдаст... долги. И наставленья.
Сочтя грехи, по группам разберет.
Мы за дверями испытаем тленья...
(Как вариант: совсем наоборот).

Земля сойдет с орбиты восвояси,
Полярная Звезда сойдется с Марсом...
Грядут по всей Вселенной катавасии,
О, Хаос будет!..
Хаос бы удался,

*Когда бы свечка в плошке не погасла,
А на орбите – бледная Луна,*

*Когда корабль бы не сбился с галса,
А стихоплет с ума не сбился б на...*

«Мои друзья меня переживают...»

Мои друзья меня переживают.
Я умираю, к своему стыду.
То ли попойки со света сживают,
То ль новые попойки не блюду.

Друзья уходят день-деньской с поминок,
Как шаркуны с шикарных именин.
Я умираю пеплом из камина,
Я каменею. Стыну я. Аминь...

Пульсирует в ушах живучий хохот.
И гвалт грызет объедки со стола.
Скрипит в кровати спившаяся похоть
И стонет, будто *лядью умерла.

...Забрезжит утро. Тени оживают.
Сомнамбулами сонными с ранья
Друзья мои меня переживают.
Переживут! И снова ждут меня.

«Ах, соколики! Ой, девочки-соколки!..»

Ах, соколики! Ой, девочки-соколки!
Заходили через тын на брудершафт.
Солнце ссыпало последние осколки
В дыроватый медный мой ушат...
Развалилось, томное, в постели,
Слушает, как соколы трещат...
А соколки в смачном пышнотеле
Пропевают песни о вещах,
Растворимых в бражке и рассоле,
И витают – дымкой! – в небесах.
Лучше б уши мне зашили в школе!
Да печать бы, бляху, на губах...

«Свернул ботву холодный утренник...»

Свернул ботву холодный утренник.
Ах-охаёт деревня над рассадой,
А хиус-баловник в ведро проник
И форс-мажорит цинковой досадой.
Октябрь двуличен, словно ян и инь.
Сквозь солнце сеет дождик: чет и нечет.
Роняет ручка гаммы с мандолин,
Поёт пентюх, как будто бисер мечет.

Баллада о барде

Бард-от взял бедро,
Натянул струну.
Пощипал это средним пальцем.
Есть гитара! Но...
Бард ни тпру, ни ну...
Ну, не пёхом же телепаться?
Бард оглоблю взял,
Сунул в колесо,
Пропустил это между ног.
Есть повозка!.. Жаль,
На одно лицо.
А ведь мог же, скотина, мог!
Бард гитару взял,
Сунул за спину,
На оглоблю хозяйство склал.
Можно ехать!.. Но
Из баллад – одну,
Да и ту про лесоповал.
А хита-то – нет!
Стонет человек!
Да и жизнь пошла наповал.
Не созрел поэт.
Не фатален век.
Не случился рок-фестиваль.
Бард-от взял жену.

Это кто – кого?!.
Пощипал это средним пальцем.
Песня – ай-да-ну!
И мотив – ого!..
По утрам и то перепалка.
Бард оглоблю взял.
Сунул. Не пошло.
Пропустил словцо между губ.
Есть повозка – трал!
Сто потов сошло...
А ведь раньше мог, душегуб...
Бард гитару взял,
Сунул за спину.
На оглоблю плюнул ещё.
Можно ехать! Встал,
Обнял мал-малу,
Сопли взял на подол со щёк...
И – созрел поэт!
И очнулся век,
И тоску сразил наповал.
На весь белый свет
Громкий человек
Объявил-таки фестиваль!!!

«Тепсей на Потрошилиху запал...»

Тепсей на Потрошилиху запал...
Какой запал влюбленности и страсти!
Как будто север на юга попал,
Поплыл и растворился в нежном счастье.
– Тепсей, ты витязь, доблестей не счесть,
И, вероятно, чувственности тоже.
С горы спеша, не обронил бы честь:
У витязей нет ничего дороже.
А ты уж, Потрошилиха, сама,
Испытывая нежное влечение,
Того... уж... не вожделяй ума,
Не подпадай под символов значенья»...
...А впрочем, в Потрошилихе Тепсей,
Возможно, и величие отыщет.
И фестиваль, взойдя на Енисей,
Свой южный облик здесь и возвеличит!

«Теперь живем мажорно: фестивали!...»

Теперь живем мажорно: фестивали!

– Здорово, барды!

– Выпьешь с нами, мэтр?..

Сойду с ума на пятый километр

И возвращусь, как правило, едва ли...

Тепсей и Тесь, этническое лето.

Теперь живем мажорно: фестивали...

И к пиву пристрастились, и щи варим,

А я при деле – в должности поэта.

Приукрашаю сценками сценарий.

«Любовь на пищеблоке», «Ссора в бане»,

Огинский. «Полонез» – на барабане.

А в перспективе – «Танцы-шманцы!» – баннер...

«Поэты нынче рифмой не грешат...»

Поэты нынче рифмой не грешат.
Слова шинкуют, квасят, как капусту.
Я вам скажу стихи на брудершафт,
А прозу... приготовлю на закуску!

Я вам скажу под аккомпанемент
Шумящих ветров, шелестящих листьев...
И в этот фантастический момент
Явлюсь, предельно искренный, неистов.

Я душу растерзаю – в аккурат
На каждое растерзанное сердце!
Воскреснет и окрепнет во сто крат
Единая душа единоверцев.

И в этот фантастический момент
Меридиан коснуться параллели,
Волна накатит, как дивертисмент,
Как птичьи поэтические трели!

И поплывет над миром фестиваль
Поэтов, бардов, виртуозов кисти!
И вот уже души девятый вал
Окатит этот хор сердец неистовый!

«На фестиваль, на чрезвычайный съезд...»

На фестиваль, на чрезвычайный съезд,
В объятия покладистого устья,
В живую сказку енисейских мест
Влекут нас и фантазии, и чувства.
Ты, брат, поэт, а я, пожалуй, бард...
И коль костров молчанья неуместны,
Пускай художник, избранный собрат,
Напишет, как горят слова из песни...
Чу, ночь... Уходит в небо фестиваль.
Гирлянды звезд – как мотыльков нашествие.
И лишь луны надкушенный овал
Напоминает вкус – о, да! – блаженства...
Ты – звездочет, а я, брат, трубочист...
– Что на уме у нас?
– А что на крыше?
– ... а пусть художник по трубе стучит...
– ...а пусть он... – ...черта с два!..
– ...ноктюрн напишет!

«Шляюсь по осинникам...»

Шляюсь по осинникам,
Промышляя вальдшнепа.
Вальдшнепа – не вальдшнепа...
Шляюсь сентябрем.
Плачет птичка пласидой,
Прячется малинником.
Подосиновик скрипит
Скрипом под осинником.
У бродяги бродского
Тень под тело прячется.
Это, стало быть, уже...
Полдник на носу?
Листопадный первый тлен
Отпадет и падает,
В мой упаднический дух
Сея декаданс...

«...Алкаши! Да и сам я активно алкал...»

...Алкаши! Да и сам я активно алкал.
Но ни счастья, ни смысла не вылакал.
Мой стакан не стихами – стенаньем стекал,
Он лишь пьяную истину выплескал.

«Ау, мой брат череззаборный...»

Ау, мой брат череззаборный,
Не гоже лаять на луну.
Ни лунный серп, ни крест соборный
Не имут за собой вину.
И нет вины в луне наивной,
И нет в распятыи на кресте.
Вина – она, брат, видно,
Цепь не на шее – на душе.

«Трещат перекрытий своды...»

Трещат перекрытий своды,
Жмет шушенская вода.
Знать, замысел у природы...
Знать бы ещё – когда
Разверзнутся-таки горы,
Обрушатся небеса...
Чтоб встать и задернуть шторы,
И выключить цвет лица.

«Нет ничего неистовей любви?!..»

Нет ничего неистовей любви?!.
Нет ничего неистовей отчаянья.
Неистовость – она необычайна,
Как лава извержения крови,
Она неукротимо сокрушает
Погожий день, добросердечный мир...
Она во мне живет! И жить мешает,
Лишает жизнедеятельности!
Неистовость – как хмель в стихотворенье,
Зовет на бой! На торжество души!
И нет ей широченнее арены,
Чем широта раскрепощённости!..

«Когда ты мерой нажитое меряешь? ...»

Когда ты мерой нажитое меряешь? —
Насколько молод иль насколько стар —
Возьми вина, пойдя в народ... Не звери же
Сидят под липами, среди гитар.
Иди-иди, и если в стаю примут
И тут же перестанут замечать,
То это знак, что возраста не имеют
И то, что ты им — чёт или чета...
А не чета — они тебя гитарой...
За шиворот, а может быть, за ворот.
И ты поймешь свою мерной тарой
Насколько стар или насколько молод.

«Есть что есть...»

Есть что есть
И есть что пить на Троицу,
Есть что сказать,
Но, к сожаленью, не в чем...
Пока большой театр перестроится,
Нас упомянут лишь в покое вечном.

Ну, а пока живем единым днем,
Стихи, как колокол за пазухою, носим.
Мы скрытны, но... откроемся в одном —
В любви.
К какой-нибудь нас полюбившей Тосе.

«Куда бежать от самого себя...»

«Однако рано забегать вперед»

Б. Пастернак

Куда бежать от самого себя,
В былое забегая за отдышкой?
Не выпал снег. И, свет не серебря,
День завтрашний не озаряет вспышкой.

Куда?.. Куда девалась моя жизнь,
Бродя по непротоптанным тропинкам?
Куда она заходится за криком?
Где кровь её?..
Я вену... волком грыз...

То снег идет... То зноем огнедышат
Часы, и дни, и завтрашние годы...
Куда бежать от будущей свободы?..
А волка вой... собакой... душу душит.

«Гулы дола глуше и зазывней...»

Гулы дола глуше и зазывней,
Словно клич кукушкиной невесты...
И тоска... тоска по жизни зимней
Уж не знак ли смерти, уж не весть ли...

«Был бы штопор, взял бы херес...»

Был бы штопор, взял бы херес.
Закупоренный тоской,
Охмелел бы в парк под тополь
Забубенной головой.
Тополь, желт и листопаден,
Отсыпался на асфальт.
От мента в затылок запах,
Только дуба бы не дал...
Трезво думать не услада,
Жить бы не переставать.
Веселей была б баллада.
Чем бы было зажевать.
Чем бы думать обо многом...
Хоть и нечего скрывать...
Хоть и стыдно перед богом:
Нечем херес открывать.

«Готов я отсидеть...»

Готов я отсидеть
По признакам банкротства.
Поэт я, не поэт,
Убей, а заплати...
Как говорил мне сват,
Уж изыщи нам средства,
Перед страной ответь.
Поэт ты, не поэт...

«Строфотворение стихов ...»

Строфотворение стихов —

Венок сонетов.

Идет катрен, несет вином

И женским потом.

Петрарки пишут для лаур.

Ля муры с дурой...

И пир шекспиров —

Дух спиртной

В отчизне хмурой...

Отчизна требует меня

Почить на тризне.

А я не требую себя

Служить отчизне.

«Стопотворение стихов...»

Стопотворение стихов,
Строфотечение...
Возможно, кровля потекла
Душой бескровной.
Течение браваурных стихов —
Шторма... Шторма и только!
А может, только кутерьма
Среды застойной.
А чуть строка сошла с ума,
Как с рельс крушение —
Ниспровержение... ума!
Умалишение!..
Сю строчку вынесет Харон
Вперед ногами.
Поэт предстанет, как юрод
Перед богами.
И преступление меж строф
Строки порочной,
Не минет.
Век мой строг:
В клочки и клочья!

«Неистребимый облик века...»

Неистребимый облик века
Сквозит стихами... за версту.
Тьмы... тьмы ночей – фонарь, аптека,
Акаций изгородь в цвету,
Ночь, улица, фонарь... под глазом
И сумасшедшая тоска... —
А. Блок с его бессмертным азом
Стоят пистолью у виска.

«Не суйся, Иисусе...»

Не суйся, Иисусе,
В святая святых,
Не святотатствуй вне храма.
Душа, чуть дыша,
Пеленает мой стих.
Святить и крестить его рано.
Рано, Иисус, славословить меня,
Рано кропить мед на рану.
Раным ранее под пагубный спирт
Аз воспарять к фимиаму.

«Тратит осень за окном...»

Тратит осень за окном
Утлые пожитки,
Прибираясь перед сном,
А уже не жить ей...
И уже костер пожух
Из рябины красной.
И пророчит гиблый дух
Ворон громогласный...

«Остудите мне душу от смертного пала!..»

Остудите мне душу от смертного пала!
Безжалостно и быстротечно...
Не шлюпкой – водой баргузинского вала —
Душа моя падает в вечность...

«Кто там?.. Гости... Хлябь и слякоть...»

Кто там?.. Гости... Хлябь и слякоть.

Мнется осень в колушке...

Выходи, мол, небо пахнет

Редкой сволочью в мешке.

Выходи на панихиду

По поникнувшим богам...

Всё оплачет... боль, обиду...

Трубных плакальщиц орган.

«Кастальский родник...»

Кастальский родник...

Жигулевское пиво...

Запальчивый парень...

Девический страх....

Невероятно – естественно – лживо

Сосуществует суетность в мирах.

Блекнет закат в эмпиреях кастальских.

Бродят поэты в утопанных тропах.

И пузырятся в шампанях бокальских

Сор ли стихов, сумасшествий ли строфы...

Виртуальная молитва

Господи, ты мне не господин.
Нет во мне молитвенной закваски
Хмельных слов, что жаждешь ты от паствы.
Флуд лишь рвется из больной груди.
Господи, религиозный спам
Забывает персональный ящик.
И к Тебе – толцы, мол, и обрящешь! —
Фрейм толцыт, и то не настоящий...
Господи, возможно, мы ублюдки...
Я не буду, жертва интернета,
В церковь тупо снашивать обутки
Будто веры раб и нищий будто.
Не суди меня! Ибо судим
Юзерами в виртуальном чате,
Сам не хошь в блютузе отвечать?..

Господи, ты мне не господин.

Борису Панкину, моему поэту

...спасибо, что зашел.
Сюда поэт не ходит.
Ночь, улица, фонарь...
Мертвили и мертвят.
Спасибо, что зашел,
Как в бухту пароходы
С куделей и пенькой
Твоих базаров, брат.
Я выложу на стол
Изделя скобяные.
Вот ковшик, вот ухват...
Ты будешь из ковша?
И уж потом, когда
Безумные, хмельные
Мы выйдем в океан,
Признаюсь: я пират.
Там, в бухте привидений,
Я наловчился грабить
Зашедших наугад
Поэтов и бродяг.
«Ночь, улица, фонарь...»
О, мы, пираты, рады!..
Спасибо, что зашел.
Теперь и ты – мой стяг.

По поводу приглашения в столицы

Прости мне, брат
Что я невыездной,
Что у меня закат.
А до рассвета
Всевышний завершит
Мой путь земной.
И упадет с небес звезда поэта.
Прости, коль нес я несказанный бред
На площадях, базарах и вокзалах.
Не супротив, но батьки поперед
Орал в официальных ритуалах.
Мне свет столичный не заказан, брат.
«Я памятник себе...» лишь в виртуале.
И след земной мне в торбу не собрать,
И душу... Душу отмолить едва ли.
О, не над бездной! Что ты?! Бог с тобой...
Но в ваши белокаменны палаты,
Прости мне, брат, я гость невыездной
В период от получки до зарплаты.

«Сосед мой олигарх. А я, Эвтерпа, кто?..»

Сосед мой олигарх. А я, Эвтерпа, кто?
Обязан ли платить с поэзии налоги?
А если это дар? А если я «крутой»,
Где мои «бабки»? Может, в эпилоге?
Сосед мой продает то гвозди, то авто...
А у меня стихи – канистры с керосином!
Но «бизнес не идет», как будто я святой,
Как будто продаваться не по силам...

(Откуда эта блажь?) ... Хватает на штаны.
В неведение своем, как пьяница в пирушке,
Я не смогу понять: зачем мне это всё?
Ходил бы да ходил к податливой подружке.

.....

И прекрати вопить: «Полундра! Атасьон!..»

«Нет, ни боги по опушке бродят!..»

Нет, ни боги по опушке бродят!

Толпы туч, обычный тучеход.

Вот и гром грохочет из царь-пушки.

Вот и бор – царь-колокол – гудёт...

«Предъявляя признаки искусства...»

Предъявляя признаки искусства,
Объявляя фестиваль ненастья,
Ворон выражается изустно,
Словно распирает его счастье.

«Посадил березку во дворе...»

Посадил березку во дворе,
Будто в доме поселил невесту,
Чтоб до смерти умиляться мне
Ропоту её и благовесту.

Чтоб до смерти радовать глаза
Её нежным трепетным порывом
И навстречу порываться живо
Под венчальный звон и образа.

По весенней свадебной поре,
Словно деву юную из леса,
Посадил березку во дворе,
Будто в доме поселил невесту.

«Он озвучил по нотам журчанье ручья...»

Он озвучил по нотам журчанье ручья,
Прописал партитуру кукушки и дятла...
И под скрипку степную – под свист ковыля —
Песню девичью вплел в ораторию леса...

Отпылал, успокоился сполох зарниц.
Верно, Бог всемогущий слышал молитвы.
Чу!.. Вы слышите щебет и пение птиц?
А фаготы и флейты трепещущих листьев?

И березовой рощи загадочный шум,
Гул соснового бора и свист перелеска
Я сегодня из леса домой принесу,
Как священный хорал и соборную мессу.

Тебе я кланяюсь, село

Поэма

«История простых людей – собственных бабушек, дедушек, односельчан – не менее важна, чем деяния великих. Она учит ценить важность жизни каждого человека».

Алексей Бабий

– Какъ звать тебя, старинушка?

– А что? Запишешь въ книжечку?

Пожалуй, нужды нет! Пиши:

«В деревне Босовъ Яким Нагой живетъ,

Он до смерти работает, до полусмерти пьет!»

Н. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо»

Струится, струится время,
Течет, кипит и бурлит.
И над полями всеми
Дух плодородья стоит.
Сколько веков здесь пройдено!
Сколько слетело стай.
Дней и ночей твоих, Родина!
Попробуй теперь узнай...
Просторы все те же, вольные,
Луга, и река, и бор...
Песок золотыми волнами
Заполз в крутой косогор.
Строги над Тубою скалы.
О них расшибают лбы
Бури большие и малые,
Летящие, как из трубы.

На летних загонных пастбищах
Не счесть коров и телят.
Богатства колхозные празднично
В будущее глядят.
Село, в синеве купаясь,
К реке привалило бок.
А новизна какая
Раскинулась на восток!
Улицы и кварталы,
Как городской массив,
Радуют небывалым
Размахом зодческих сил.
О, красота земная!
Творенье умелых рук.
Право, совсем не знаю
Слова о вас без мук.
Смотрю я с горы Егорьевской
На этот простор родной
И чувствую привкус горечи
Где-то в клетке грудной.
Неужто судьбе угодно
Меня увести опять
От тяжести благородной
Эту новь созидать.
Вон на том возвышеньё,
Где в церковь хаживал люд,
Сад моего поколенья...
В нем ярко цветы цветут.
А нашим отцам и братьям,

Навечно ушедшим в бой,
Стоит обелиск в объятье
С вечностью и землей.
Ветры его ласкают
И умывают дожди.
Головы мы склоняем
С жаркою жаждой жить.
Огромный дворец культуры
Недавно народ воздвиг.
... Отцов прошивали пули —
Нам счастье жить за двоих.
Сижу я на камне, хмурый,
... Транзистор, Чайковский, грусть...

Михаил Шабалин

Что блазнится в панораме?
Тесь. Селенье в пойме рек,
в заветерье, под горами...
Гвоздь пейзажа – человек!

Лесостепь и степь с полынью.
Хвойный бор с бурундуком.
Поле гречки – белым клином.
Эхо – ухо с языком.

Плеса, заводи, песочек,
прокаленный до бела.
Оп!.. Обрыв. А там – мысочек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.